

Цинь Ханьюань оказался в объятиях, его тело напряглось. Глядя сверху на пушистую макушку, которая терлась о его грудь, он машинально поднял руку, желая погладить эти на вид такие мягкие волосы.

Услышав слова Шэнь Гуаня, он замер, рука зависла в воздухе, затем сжалась в кулак и медленно опустилась.

— Что случилось?

Его голос звучал холодно, но он намеренно приглушил тон, словно боясь испугать маленького котенка у себя на груди и заставить его забрать обратно ту крупицу тепла, которую тот так нехотя даровал.

Шэнь Гуань покачал головой. В его голове стояла картина того, как перед самой смертью Тан Ван вонзал нож в грудь Цинь Ханьюаня, раз за разом. Слезы лились непрерывно.

Слушая мощное, уверенное сердцебиение, Шэнь Гуань почувствовал, как в его опустошенном сердце наконец заполнился крошечный уголок.

— Прости меня, Цинь Ханьюань, — повторял Шэнь Гуань, все крепче обхватывая его за талию, словно пытаясь врасти в него.

Слезы пропитали дорогой костюм от кутюр, но взгляд Цинь Ханьюаня, полный боли за него, был прикован к самому виновнику происходящего.

— Не плачь.

Он хотел утешить малыша, но, как ни старался, не смог подобрать подходящих слов. В итоге, с трудом выдавил из себя лишь это.

— Я был неправ. Давай не будем разводиться, хорошо?

Шэнь Гуань наконец поднял голову. Его глаза покраснели и опухли от слез, он с мольбой и опаской смотрел на Цинь Ханьюаня.

Цинь Ханьюань нахмурился, сжал челюсти и долго смотрел на Шэнь Гуаня. А когда тот снова собрался заплакать, он, словно собрав все свое мужество, хрипло произнес:

— В этот раз ты не уйдешь. Я не позволю тебе покинуть меня до конца жизни.

Шэнь Гуань моргнул и сквозь слезы улыбнулся. В его ямочках на щеках, казалось, плескалось

густое вино, и Цинь Ханьюань опьянел от этого вида.

— Даже если ты ненавидишь меня, не надейся уйти! — он сделал вид, что спокоен, и произнес угрозу, хотя его руки слегка подрагивали.

Он прощупывал почву.

Вчера Шэнь Гуань был готов пойти на смерть, лишь бы добиться развода, так почему сегодня его отношение так резко изменилось?

Это слишком странно!

Неужели всё это ради Чжэн Хуэя?

Ходили слухи, что недавно Чжэн Хуэй, прикрываясь именем Клана Шэнь, повсюду навёл справки о том участке земли на западе города, пытаясь заполучить права на его застройку.

Неужели он готов пойти так далеко ради Чжэн Хуэя?

— Не уйду! — Шэнь Гуань надул щеки, заглянул ему в глаза и искренне добавил: — Кто уйдет, тот дурак.

Цинь Ханьюань нахмурился:

— Не выражайся.

— Пфф. — Стоявшие поодаль слуги не сдержали смеха.

Шэнь Гуань только теперь понял, что был настолько занят попытками удержать Цинь Ханьюаня, что совсем забыл о них — все они вбежали сюда, привлеченные его недавним скандалом.

Его уши покраснели, он сжался, как маленький перепел, и низко опустил голову.

Цинь Ханьюань бросил взгляд на дворецкого. Тот, проявив сообразительность, увел всех прочь. Уже у самых дверей дворецкий оглянулся на эту сцену и нахмурился.

В гостиной мгновенно остались только они двое.

Цинь Ханьюань посмотрел на его босые ноги и нарушил тишину:

— Надень обувь и иди завтракать.

— Хорошо. — Шэнь Гуань проводил взглядом его спину, удаляющуюся в сторону столовой. Он проскользнул в прихожую, собираясь натянуть любую обувь, но, увидев стоящие рядом большие и маленькие светло-серые домашние тапочки, снова почувствовал, как к горлу подкатил ком.

Большие тапочки были немного поношены, а маленькие выглядели как новые. По правде говоря, они и были новыми.

Он никогда их не надевал.

И не только эти тапочки — он старался даже не прикасаться к любым вещам в доме, если у них были парные комплекты. Два года он ежедневно пытался этим молчаливым протестом выразить свое ярое недовольство этим браком.

Но... Цинь Ханьюань никогда ничего не говорил.

В носу защипало. Он кое-как вытер слезы, наклонился, надел тапочки и, прихватив тапочки Цинь Ханьюаня, побежал в столовую.

Цинь Ханьюань уже завтракал, время от времени поглядывая на дверь. Увидев Шэнь Гуаня, он едва заметно улыбнулся уголками губ и снова сделал вид, что ест.

Шэнь Гуань подошел к нему, присел на корточки, взял его за правую ногу и снял туфлю.

Цинь Ханьюань опешил и поспешно схватил его за запястье:

— Что ты делаешь?

Шэнь Гуань поднял голову и, моргая большими круглыми глазами, выглядел совершенно невинно:

— Помогаю тебе переобуться.

— Вставай. — Цинь Ханьюань отобрал тапочки и помог ему подняться.

Шэнь Гуань всегда ненавидел носить с ним парные вещи, а теперь, ради Чжэн Хуэя, он лично меняет ему обувь.

Он... как он мог позволить ему это?

Эти белые, изящные руки — он был готов беречь их, лелеять, как он мог позволить ему менять себе обувь?

— Тогда переобувайся, — с надеждой сказал Шэнь Гуань.

Взгляд Цинь Ханьюаня потемнел:

— Не нужно, доем и уеду...

— Понятно. — Шэнь Гуань опустил голову, теребя край своей одежды, потерся ногами о пол и замолчал.

Цинь Ханьюань не мог выносить его вида в такие моменты. Он вздохнул и, смирившись, переобулся.

— Доволен?

Шэнь Гуань пододвинулся ближе, придвинул свои тапочки вплотную к его, чтобы носки соприкасались, и глупо хихикнул.

Глядя на его улыбку, Цинь Ханьюань смягчился, и вся его злость окончательно улетучилась.

Если бы он не беспокоился, что тот останется голодным, он бы действительно позволил ему продолжать в том же духе.

Позавтракав, Цинь Ханьюань встал, поправил воротник и собрался уходить.

Шэнь Гуань залпом допил молоко, неотступно последовал за ним и, закусив губу, набрался смелости спросить:

— Цинь Ханьюань, ты можешь взять меня с собой?

<http://bllate.org/book/18789/1824903>